

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

стр. 10-12

«РАДИОНИЯ», «КУКЛЫ» И ДРУГИЕ ПРОГРАММЫ ЕФИМА СМОЛИНА

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

Бульварные новости

№19 (19)
ОКТЯБРЬ 2020

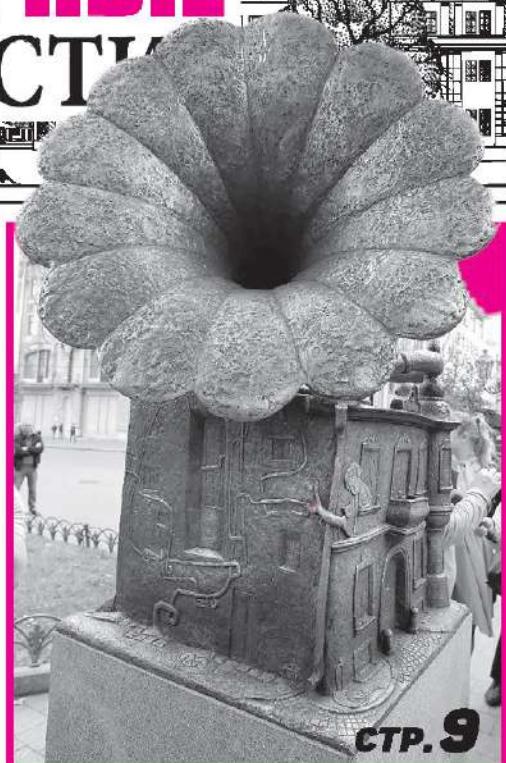
стр. 14-16

ЗДЕСЬ ВАМ НЕ РАДЫ:
5 самых негостеприимных стран мира

стр. 17

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ИНТЕРМЕЦЦО.
В ДЫХАНИЙ
ВИТРАЖЕЙ

стр. 9

ВОДЕССКОМ
ГОРСАДУ
ОТКРЫЛИ
ЗВУЧАЩИЙ
ПАМЯТНИК

Елена Ананьева,
Германия

Поведу дорогого читателя в дебри её семейной истории. В надежде найти её продолжение... в Бостоне, у, возможно, читающего Александра Сталбо, некогда зам. редактора научного журнала «Второе дыхание», который оказался сыном... моей прямой родственницы, Любови Сталбо.

Поколения моей семьи в истории литературы и искусства — через одно рукопожатие с выдающимися.

Веду дальше свою линию «Витраж» по изогнутой дороге судеб. Спонтанных и запрограммированных в пространстве. В витражах нет тени. Каждый цвет — форма живут по своим канонам. Такие во времени, но только в пространстве. Узоры жизни. Мозаика дней. Скользкая смальта событий.

ВИТРАЖИ ПАМЯТИ

Мария Рассадина — оперная певица
(из личного архива Л. Рассадина)

Почти семейная история. Культурные связи тридцатых годов прошлого века — в проекции биографии моей тетушки Марии Рассадиной. Под её огромным портретом в русском кокошнике со жемчугами и камнями, историях об эмиграции в Китай, КВЖД, эстраде — Александре Вертиносской и Клавдии Шульженко — выросла. Это манило.

Но есть еще предыстория. Она описана ниже. И уходит корнями... в середину девятнадцатого века. Когда Петр Ильич Чайковский писал благодарственные письма скрипачу-виртуозу Адольфу Давидовичу Бродскому (письма хранятся в Доме-музее композитора в Клину и не только там), о подвижничестве в исполнении первого его труднейшего концерта в Вене. Получив отрицательно-заиную критику, Петр Ильич поддержал молодого музыканта-исполнителя.

Чайковский пишет Адольфу Бродскому о статье:

«...Ганслик весьма остроумно называет мою музыку «вонючей». Только прочтя этот отзыв, наиболее авторитетного венского критика, я оценил всю безграничность гражданского мужества, которое Вы высказали, появившись перед венской публикой с моим концертом...

Ваша симпатия к моему концерту, несомненная заслуга, которую Вы оказали мне, поборов все препятствия и исполнив

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО. В ДЫХАНИИ ВИТРАЖЕЙ

его, — сторицей вознаграждают меня за несколько грустных минут разочарования... Крепко-крепко жму Вашу руку, милый друг! Примите самое искреннее и теплое спасибо за Вашу симпатию к моим сочинениям. Я очень, очень цено её!!! Искренне любящий Вас, П. Чайковский».

Вижу внутренним взором это письмо, с ятами, старинной кириллицей и архаизмами, бесспорным запахом старой бумаги, истонченной и золоченой временем. Скрипач-виртуоз, профессор и основатель выдающегося камерного оркестра познакомился в Париже с Эдвардом Григом, Сен-Сансом, Сарасате, Тургеневым. В его доме в Германии впервые встретились Чайковский, Брамс и Григ...

Оказалось, благодаря эссе, предложенному нашему вниманию Ниже, выдающийся музыкант-исполнитель Адольф Бродский принадлежит нашей большой некогда, одаренной, высоко интеллектуальной, выдающейся семье. Или скорее наоборот, мы принадлежим к ней. Её представители, прямые и косвенные, в разные века оставили неизгладимый след, который можно увидеть и проанализировать сегодня.

А вот как эта находка произошла.

...Несколько лет назад Леонид Рассадин, с которым мы постоянно на связи, сообщил, что очерк «Витражи», написанный ранее, (он давал мне интервью по скайпу и телефону), прочитал в Америке, в Бостоне Александр Сталбо, тогда зам. редактора научного журнала, сын Любови Сталбо, которая является, как оказалось... и моей прямой родственницей. С нею пытались связаться, но Любовь Сталбо умерла несколько лет назад в возрасте 104 лет. Она оставила несколько интереснейших очерков, насыщенных именами, датами, встречами, фактами.

Они легли в основу дальнейшего осмысления и повествования. Одно из них представлено уже в некоторых публикациях в журналах и альманахах. Два года назад в Одессе, в библиотеке имени Пастернака (2-й филиал, которым руководит Кристина Апаринова) прошел вечер «Элизабет Судебы, с видеорядом на экране. Запись вечера была представлена в интернете.

Моя младшая дочь Аннушка поддарила:

— Мама, тебе не хватило 104-х лет жизни Любови Сталбо, чтобы познакомиться со своей такой интересной родственницей?

Мама Любови Сталбо — писательница и литератор-вед прошлого века, Лидия Варковицкая (Фельдман), племянница скрипача-виртуоза Адольфа Бродского. Родившись в Одессе, работала долгие годы в Ленинграде, в новой прессе и издательстве Ленгиз.

Встреча с четой Рассадиной в кафе на Монмартре — Елена и Аннушка Ананьевы, Леонид и Алина Рассадины (из личного архива Л. Рассадина и Е. Ананьевой)

Афиша гастролей Марии Рассадиной.
Из Китая в Японию с сирией Татьяны
Лариной (из личного архива Л. Рассадина)

Лидия Варковицкая, дружила и поддержала в трудный момент Осипа и Надежду Мандельштам, известна публицисткой произведений О.Э. Мандельштама «Египетская марка», Ю.Н. Тынянова, «Разговор о Данте». Была дружна также с Е.М. Тагор и с А.Н. Пирожковой, женой И.Э. Бабели (их музыка были скурсниками в Киевском коммерческом институте), дружила с К.И. Чуковским. Она оставила книги воспоминаний о многих известных деятелях прошлого века. Работая в легендарном Ленинграде, участвовала в издании более ста стихотворений Генриха Гейне.

Её сын, известный балетмейстер, Владимир Варковицкий и дочь Любовь Сталбо, также писали мемуары. Дочь, Людмила Варковицкую можно причислить к выдающимся филологам, исследователям языков. В начале 1940-х годов, будучи аспирантом института языка и мышления Академии наук, собрала около ста устных северо-селькупских эпосов и сказок во время экспедиции на Байкал; разработала классификацию этих сказок. Диссертацию кандидата филологических наук по теме «Лаго-ильное словообразование в селькупском языке (по материалам байшанского говора)» защитила в 1947 году. Людмила была ученицей знаменитых языковедов Прохоровых. Старший научный сотрудник НИИ национальных школ в Ленинграде. Автор многократно перездававшихся учебных пособий по изучению русского языка для русскоязычных и иноязычных детей («русский язык в картинках», «русская речь в картинках»), буквари и хрестоматий для чтения в ненациональных школах.

Благодаря ее родной сестре, Любови, я вышла на цепочку выдающихся личностей — цвета литературы и культуры прошлого, Серебряного века.

Любовь Сталбо сама вышла на меня и мое эссе «Витражи», которое попалось ей на глаза в газете. Она позвонила Леониду Рассадину, известному журналисту-международнику, с которым мы из одной большой, интеллектуальной семьи, и, как оказалось, её отец, стал в Китае, где Леонид родился, его отцом и... отчимом. Отсюда в моём эссе много неизвестных фактов о Китае тридцатых годов, Харбине, Шанхае. Затем пути вели в Москву, Одессу и далее... Всё закольцовано... Рондо!

Главное в этой истории — история дружбы и родственности по судьбе.

Мария Рассадина. Ее имяозвучивает мелодичный, высокий голос — soprano. Он еще звучит во мне. Ее фото видела с детства. Огромные, черно-белые, но в сценических костюмах, кокошниках, украшенных росписью жемчугов и разноцветных камней, сверкали и манили всеми цветами наглядной поверхности. То в вензелях и блестящих лентах, пышных перьях и воланах. Однажды в статье «Режиссеры уходят не в землю, а в пленку», о моем режиссере В.Н. Левине, руководителе студии киноактеров, которую закончила в Одессе в семидесятом, достала часть истории из закуликов памяти. Истории о жизни в Китае в 30-х годах прошлого века. О ее знакомстве там с Александром Николаевичем Вертиным, о возвращении его на родину, любимой жене Лидии Циргава, рожденной в Харбине, где ее отец тоже работал на КВЖД. Там же Лидия Владимировна вышла замуж за Александра Николаевича Вертина, а поздней осенью 1943 года семья Вертиных вернулась на родину, в Россию. И снова он — заключен, Дебют Лидии Циргава в кино в роли Птицы-Феникс в фильме «Садко» произошел в картине, где вторым режиссером был молодой, только начинающий этапы кинематографического пути, Василий Николаевич Левин.

Потом, уже на Одесской киностудии раскроется талант кинорежиссера, сценариста и актера В.Н. Левина. По сегодняшний день на телекранах иногда, ностальгируя, можно увидеть его лучшие работы — телефильмы «Последнее дело комиссара Барлаха» (с Николаем Симоновым и Андреем Поповым в главных ролях) и «Капитан Немо» (с Владиславом Дворжецким в главной роли).

В очерке писала о том, что Мария Андреевна, в молодости, работая с мужем — главврачом КВЖД (эта аббревиатура знакома мне с детства) в Харбине, куда ее привезли младенцем из Красноярска, пела в кафешантане. Эта семейная легенда оказалась не совсем точна. Тотчас же позвонил Леонид Рассадин, и известным всей стране не потускневшим с годами, задорным голосом, вешавшим на всю страну на гостях России, заметил, смеясь: «Ты знаешь, а мама никогда в кафештане не работала. Она пела... в опере!»

Александр Вертинский приходил к ней в оперу, а она к нему в кафештан, ресторан или другие эстрадные площадки, это было уже в Шанхае.

Леонид переспал мне афишу одного из концертов мамы, на которой пишется, что она перед поездкой за границу выступает в опере «Евгений Онегин», исполняет партию Татьяны.

— Как же перед отъездом за границу, — удивилась я, — ведь Харбин уже и есть «заграница».

— Да, конечно, но оттуда она отправлялась в поездку по Европе и в Японию, — пояснил Леонид. Ведь она жила уже в Китае давно. После смерти родителей в Красноярске, ее в младенческом возрасте вывезли из Сибири в Харбин сестра. Она была замужем за поляком, работавшим машинистом на Китайско-Восточной железной дороге. Зарабатывали на КВЖД очень хорошо. Местные деньги не цеплялись, и как вспоминала потом мама, зарплату выдавали слитками из чистого золота! В начале двадцатого века Харбин вовсе не походил на китайский город. На тогдашних открытках с видами местных улиц на зданиях множество вывесок на русском языке. Да и по внешнему виду дома мало чем отличались от подобных в городах Сибири и Дальнего Востока. Большином тиражами выходили русские газеты. Дети сотрудников КВЖД учились в русских гимназиях. В городе было несколько православных церквей.

Харбин стал в те годы «малой родиной» для тысяч русских поселенцев, участвовавших в строительстве КВЖД, а затем оставшихся там работать. Были русские, которые неплохо владели разговорным китайским языком. Молодежь посещала языковые занятия. В мамином архиве даже сохранился пропуск на эти курсы с ее фотографией.

Многие, родившиеся там, уже хуже говорили по-русски, что потом отразилось на их судьбе. Об этом пойдет речь дальше.

Встреча с четой Рассадиной в кафе во Франкфурте — Алина Рассадина, Аннаушка и Елена Ананьевы, Леонид Рассадин (из личного архива Л. Рассадина и Е. Ананьевой)

В 1933 году, будучи уже оперной певицей, Мария Рассадина собралась в творческое турне. Она училась у знаменитой преподавательницы оперного пения из Санкт-Петербурга М.В. Осиповой-Закржевской. Перед гастролями 1934 года — прощающие концерты в Харбине, а затем в Шанхае. Последовал ряд ее выступлений в других китайских городах. Повсюду прием был восторженный. «Не голос, а человеческое сердце», — писали в одной из газет.

«Мария Андреевна Клаудия Шульженко, 11. III. 1948 год, Одесса» — автограф К. И. Шульженко (из личного архива Л. Рассадина)

Интересно, сколько возможных родственников могло бы быть у меня в США в лучшие годы, благополучия и покоя. Но и у нас было не плохо. Не искала легких путей. Никуда не собираясь уезжать. Прекрасно, если есть родственники и духовные, дружеские связи. Но если судьба распорядилась иначе?! Благодарна судьбе, что с Леонидом Рассадиным по сей день тепло общаемся.

Вот как Любовь Сталбо, старшая дочь, которая никогда с отцом не жила, но который воспитывал в Китае Леонида Рассадина, (с отечества и их судьбы тоже разорвались), пишет о большой семье, которая выводит на город Бостон:

«Младшая сестра моего дедушки, Берта Григорьевна, (это мой дедушка, Иоанн Григорьевич тоже) она очень любила мо-

его отца, своего племянника. Её знаменитый муж (Б.Г.) — Виктор Осипович Мочан, профессор, заведующий кафедрой педиатрии в Петербургском 1-м медицинском институте, шёл впереди времени в педиатрии. Берта Григорьевна знала также всех моих тёток, (пишет Л.С.) и почти моих ровесниц: Наташу (по мужу Рабинович) Ирина (в замужестве Ансельм) и Катю (Кити) Мочан. Мы хорошо дружили все. Особенно с Кити — научным сотрудником Публичной библиотеки им. Салтикова-Щедрина. Ирина и её сын Алексей Андреевич (Алеша) Ансельм были физиками, докторами наук, профессорами. Алеша Ансельм был одним из крупнейших физиков-теоретиков, зав. отделом теоретической физики, директором Ленинградского Института Ядерной Физики. А умер он в Бостоне в 1998 г. Вдова Алеша, Людмила Ансельм, — физик, писательница, драматург (в интернете есть её произведения). Его дочь Ирина — врач Boston Children Hospital. Следующие два поколения Ансельмов живут в Америке, в Бостоне».

«Отец мой, В. С. Шильберг/Spielberg, известно, что из одной семьи со знаменитым кинорежиссёром Стивеном Спилбергом (Steven Spielberg) — врач, женился на моей матери ещё студентом. Моя мать рассталась с ним, когда мне не было еще года. В Первую Мировую и Гражданскую войны мой отец был военным врачом, начальником госпитая, с которым с западного фронта попал в Сибирь, а затем в Китай, где женился в Шанхае на молодой певице Марии Рассадиной».

«Отец был знаком и дружил с жившим в то время в Шанхае Александром Вертиńskim».

Вот откуда пошла ниточка к Александру Вертиńskому и Клавдии Шульженко.

Александр Вертиński. Вкусивший дух театральных подиумов, посматривающих, много передавал из своего опыта не только в песнях-балладах, глубокопсихологических историях жизни, любви, страданий, но много рассказывал о сkitаниях до этого времени. В Шанхае Александр Николаевич приехал, пройдя через эмигрантские «миссорубки»!.. Вначале Турция! (И снова Турция, и новая угроза миру!) Вспоминаются «Эмигранты» Алексея Толстого. Ужасающие условия. Чёрные рынки. Преступность и наркомания. И там, представьте, Александр Вертиński! Добрались уже до Китая, оглядываясь назад на свой разноплановый, чернобелый, как кино, путь, любит его осмысливать в кругу почитателей таланта. Свободными вечерами рассказывает, как он поселяется в Константинополе и выступает в «Стелле» и «Черной розе». Вначале у него был успех. Но жизнь эмигрантская нанесла. Положение беженцев на глазах ухудша-

ется. Если раньше были деньги, да еще привезенные из России, там приходится работать за тарелку борща. Все жили надеждами, что Россия возвратится. В то время случай помог ему уехать из Турции, вначале в Румынию, затем турне по Бессарабии, где тоже было много русских. Они с восторгом принимали певца, что помогло ему заработать и двигаться дальше.

Путь его лежал через Германию. Здесь он выступал в Берлине, Дрездене, Данциге, Мюнхене, Кенигсберге. За окнами 1923 год. Страна в страшной инфляции. Ослабленная Версальским соглашением Германия бедствует. Люди голодают, простирали закон, заканчивали свою жизнь самоубийством.

Из Германии Вертиński едет в Париж, где он провел в бурлящей, творческой столице десять лет эмигрантской жизни.

Он пел в небольшом ресторанчике «Казбек» на Монмартре. Иногда на его концертах бывали «высокие» гости: король Густав шведский, Альфонс испанский со своей свитой, принцы Уэльский, король румынский, Вандербильды и Ротшильды, Морганы, а также короли экрана — Чарли Чаплин, Грета Гарбо, Марлен Дитрих, которой он даже посвятил свою песню «Марлен». У всех был тогда, как и по сей день, огромный интерес к русской песне, музыке. В Париже в то время гастролировали звезды русского балета: Анна Павлова, Тамара Карузина, Михаил Фокин. Там он знакомится со знаменитым кинематографистом Иваном Мозжухиным и снимается в некоторых кинофильмах в Париже, в Берлине, в Ницце. Огромным событием становится знакомство с Федором Шаляпиним, которое продолжалось до конца длины великого оперного певца.

Отсюда на пароходе «Лафайет» осенью 1934 года Вертиński отправляется в Америку. Плыть по бурным волнам океана, пишет песню «Онас и родине». Эта песня сделана для шума, даже для приморского шума, слова. Публика не всегда однозначно принимает певца. Но он с настальгической песней о своей родной стране концентрирует по всему миру. Привозят ее потом в Одессу. Выступает Летний театр в Государстве. На первом концерте в Нью-Йорке собралась весь цвет русской эмиграции и культуры: Сергей Рахманинов и Александр Зилоти, Ричард Болеславский и Никита Балиев, Рубен Мамулян. Принимали на «ура» и говорили, что чуть не разнесли театр, где он выступал. На что певец скромно заметил, что аплодисменты относятся не к нему, а к его родине, о которой он поет.

Да, родина всегда с нами. Она, Родина, сейчас как часть нашей семьи, постоянно пребывающая дома. Америка Верти-

Окончание. Начало на с. 14-15

ского утомляла. И хотя он выступал даже в Голливуде, где в то время была мода на русских исполнителей, он принимает решение — уехать!

И вот, наконец в конце октября Александр Вергинский решает уехать в Китай. В страну, которая станет последней после долгих скитаний. Здесь, рядом с советской границей, слушая последние новости из великой страны, занимавшей одну шестую часть суши, в нем поднималась гордость за свою родную, прекрасную родину.

Надежда, что он тоже сможет быть ею востребованным. Неистребимое желание личности!

Мария Рассадина выступала в Шанхае. Они познакомились. Часто выступали в общих концертах вместе. Иногда она приходила к нему на концерты, а он к ней. Общались на клубных вечеринках. Они были, как бы теперь сказали, «тусовочные» люди. Прекрасно вписывались в эту среду и вели ее за собой. Отсюда началась ее большая дружба с выдающимися звездами советской эстрады. Публика в основном прекрасно принимала известного уже Пьеро, но у него уже иной сценический образ, фрак, бабочка... он много выступает перед русской «колонией».

В Китае, в ближайшем соседстве со страной Советов, идущей по своему пути, всем постоянно мечталось — грезилось о родине. И хотя Вергинский здесь зарабатывал успех во всех ипостасях, уже и в денежном эквиваленте, ностальгия мутила. Он был широкой души человек. Познав лишения и нехватку семейного тепла, он страдал. Сердце рвалось домой. У нее тоже. Об этом мечтали все.

Семье Леониду дали прекрасное воспитание, а мать зародила желанием обращаться с большой аудиторией, нести ей не только информацию, но и заряд торческой энергии и жизнерадости. С этими составляющими Леонид Рассадин не расставался всю жизнь. И мы увидели и услышали его слово, звучащие потом в Союзе. Звучащее на волне инновещания, радиотрансляции «Голос России», в телевизионных репортажах.

Леонид Рассадин обладает удивительной памятью. Будто только недавно все это происходило. А я, внимая ему, окунайтесь в атмосферу их жизни в эмигрантском Шанхае.

В 1941 году в Шанхае проживала самая многочисленная в Китае русская колония. Некоторые, в том числе мама, имели на руках советские паспорта СССР во времена не был в состоянии войны с Японией, и русские не подвергались преследованию со стороны японских оккупационных властей. Отечественная война всколыхнула патриотические настроения многих людей. Получив сертификат медсестры, мама и несколько ее подруг попросились на фронт. Письмо, направленное по этому поводу И.В. Сталину, так и осталось без ответа. Исключение (явно по политическим мотивам) было сделано только А.Н. Вергинскому и еще нескольким советским гражданам. Жили тогда люди ежедневными думами о происходящем на родине. В гостиной дома висела большая карта, в которую мы регулярно втыкали булавки с флагами, свидетельствующими о положении дел на фронтах. По радио ежедневно слушали сводки Совинформбюро. Их зачитывали по радиостанции, созданной активистами Общества советских граждан. Самыми популярными изданиями были журналы «Огонек» и «Крокодил». Крупные успехи Красной армии всегда отмечались вывешиванием из окон квартир советского флага, который постоянно находился в углу комнаты. И не только у нас. Именно в те годы мамы созрело бесповоротное решение выехать на историческую родину.

Известно, что Александр Николаевич Вергинский один из первых, в самый разгар войны в 1942 году, получил советское гражданство. Он очень много написал прошений. Сталин высоко ценил уже в то время его искусство, его патриотизм. Знал о скитаниях и успехе в мире актера кино (!), русского автора и исполнителя романсов. Ценил его слово. «Ваш пальцы пахнут ладонью...» Это былоозвучено во-

Празднование Нового года у Клавдии Шульженко в Москве.
К.И. Шульженко — в центре (в платье в горошек), вторая слева — Мария Рассадина, справа — Леонид Рассадин (первый) и Игорь Кемпер (из личного архива Л. Рассадина)

ждо. На этом можно было заработать политический капитал. В ноябре 1943 года с трехмесячной давностью Марианнин Александр Николаевич приехал в Москву. — Когда мы через пять лет также решили ехать и бросить «якорь» в родной для семьи Одессу, — подчеркивает Леонид, — по долгой, почти полгода дороге

в 1946 году в составе первых двух групп. Обвиненные в шпионаже, многие были расстреляны или угодили в концлагерь. Как в известной песне «Родина, солдатами по морде нам!» За ч-т-о-о-о?! Информация об этом просочилась на Запад, депортация была временно приостановлена. Но во второй половине 1947 года паро-

телефонных пластинок. В том числе из Москвы. Их можно было купить в магазине, куда поступали товары из Советского Союза. Повышенным спросом они стали пользоваться в начале сороковых годов. Среди них появились пластинки Клавдии Ивановны Шульженко.

«Именно тогда мама впервые услышала голос Клавдии Ивановны Шульженко. И кто мог предположить, что они познакомятся и сохранит свою большую дружбу на всю жизнь. «Синий платочек» был созвучен маминым переживаниям. Клавдия Ивановна принимала активное участие в моем становлении в Москве. Я стал ей вторым сыном, об этом она надписала на конверте старой пластинки, когда была еще молодой. Вот фото...»

И еще один штрих — мелодии рондо.

Клавдия Ивановна тогда была замужем за **Владимиром Коралли** (Кемпер) (с их сыном Гошей, Игорем Кемпером, довелось мне познакомиться в Москве, когда отмечали рождение моей младшенькой — Аннушки, москвички. Сидели рядом за праздничным столом тогда в Москве у Марии Андреевны — **прим. Е.А.**) Владимир Коралли дружил с Леонидом Осиповичем Утесовым. Причем не мало, почти 60 лет. Его называли одним из ближайших «деколонизаторов» эстрады. В середине 1920-х годов на восходящем дарование обратил внимание Утесов, и они стали друзьями. Утесов был старше Коралли на одиннадцать лет.

Во вступительном слове на юбилейном вечере Владимира Коралли — Леонид Утесов, без которого не обходилось ни одно знаменательное событие, со свойственными ему юмором вспомнил и «мальчика в гимнастерке с красными погончиками», читающего патристические монологи, и Одессу начала XX века, и людей, окружавших его тогда. Среди них был будущий муж Клавдии Ивановны Шульженко. Но это другая история.

По случаю юбилея Леонида Утесова и Владимира Коралли песня на мои стихи, на музыку композитора **Марка Штейнберга**, спела **Мосесифом Жеребкиным**, одесситами из Израиля.

Веселая песенка
Ах, какая мильчица —
красные погончики,
тебя Утесов сразу приючил.
Вы на юнгах,
как гасоник на перрончиках,
спелиши аперд', труба зовет,
даст бол'.

Но эта эссе о том, как подружились — Клавдия Ивановна Шульженко, Мария Андреевна Рассадина и моя мама — Раиса Ивановна Суханова.

Моя младшая дочь Анна Ананьевна, родившись в Москве, училась в Одессе и Германии, проходила полугодовую практику в Донбай университете на севере Китая, получила звание магистра науки экономики в Германии. И продолжает занятия балетом, продолжая традиции Одесской хореографической школы у Сильвы Вальтер, будучи уже гражданином мира. К счастью, интересуется своими корнями. А корни без корней не бывает.

Клавдия Шульженко
THE RONDO
Side 1
The Portrait — by L. Parabol — M. Orlovsky
The Blue-Eyed Girl (R. Szokak — Ye. Kostomarov)
Meditation (S. Kaminski — V. Bout)
Silence (L. Durnayevsky — M. Matusevsky)
And Snow Will Fall (G. Ponomarenko — Yu. Kondrashin)
Side 2
Grandmother's Tango (E. Kondrashin — Yu. Kondrashin)
One Day (L. Lyadova — O. Miliavsky)
Atswihle Infatuation (music and words by O. Strok)
to Old Waltz (Z. Levina — L. Glazkova)
Day Will Come (B. Fugala — P. Herman)
Be Blue Kerehif (Yu. Peterburgsky — M. Maximov)
RHAPSODIA Ensemble
Inducted by G. PARASOL

Recording engineer P. Kondrashin. Editor G. Skorokhodov
Liner A. Grigoriev. Photo by N. Nevsky and A. Gershman

Их тысячи. Но лиите мне любовь! Клавдия Шульженко на юнгах всегда античность. Она знает, о чем хочет петь со слушателями.

«Второму сыну, замечательному человеку, Лёне, на добрую память, с любовью, 9 декабря 1982» — автограф К.И. Шульженко (из личного архива Л. Рассадина)

Клавдия Шульженко

ПЕСНИ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Алина и Лёне за долгую дружбу, на долгую память, с любовью: Клавдия Шульженко 25-09-76, г. Москва — автограф К.И. Шульженко (из личного архива Л. Рассадина)